

Концепция письма в поздних работах Марра Амбивалентность письма и «Новая наука о языке»

Проблема письма, которой Марр посвящает ряд статей между 1926 и 1934 гг.¹⁵, перекликается с основными позициями в дискуссиях о языке и модернизме, когда на грани лингвистики и этнологии актуализируется классическая критика письма Платона. В начале XX века, как и у Платона, отношение между письмом и устной речью привлекает к себе особый интерес, который, однако, связан с некоторой противодействующей динамикой: с одной стороны, критика письма усиливает на уровне языковедческого и культурологического изучения интерес к специфике устности; с другой, письмо рассматривается как нежелаемая, но методологически неустраняемая основа самого научного подхода к сфере устности. Этот конфликт — письмо (как техника формализации, абстракции и т. д.) в одно и то же время открывает и ограничивает научный подход к изучению устности — явно манифестируется и в лингвистике Соссюра, также как и в этнологии/антропологии Леви-Стросса.

Такая же амбивалентная оценка письма является исходной методологической проблемой и у Марра, указывающего на старое соперничество между письмом и (устным) языком: «Язык мог бы сказать: Неразлучное дружище письмо — старый враг мой и злой соперник до наших дней в науке об языке». И далее: «Было время, когда письмо и вообще письменность заслоняло язык. Живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку»¹⁶. Марр критически говорит о том, что «отдельные крупиночки речи, казавшиеся ее первичными элементами, даже и те назывались не звуками или фонемами, а буквами, или по латыни, литтера»¹⁷. Марр неоднократно обозначает проблему изучения устной речи с точки зрения письма: «Гораздо более опас-

ные, прямо-таки роковые последствия общего значения имеем для самой науки об языке от подхода к звуковой речи, хотя бы и живой, через письменное ее облачение, ибо таким подходом предопределялся количественно материал¹⁸. Из этой методологической критики письма у Марра возникает интерес к изучению бесписьменных культур, интерес, который открывается только за пределами узкой методологической ориентации на письмо; такое «независимое» исследование открывает новые сферы этнолингвистических изучений: «больше простора для независимого исследовательского творчества представляли необъятные по количеству и разнообразию языки без письменности, “безграмотные” массовые языки всех стран света, в буквальном смысле слова остававшиеся вне квалифицированного научного призора. Их ... можно было изучать лишь на слух и на месте, невольно в окружении и в общем с более глубоким учетом материальной, социальной и бытовой среды»¹⁹.

На первый взгляд, эта критика письма и установка научного интереса на устную культуру вполне совпадает с позициями, из которых исходят А. Лурия, Милман Пэрри, и другие, изучая первобытно-устные культуры. И если у Марра даже в более широком идеологическом и социологическом контексте письмо ассоциируется с политической властью и с авторитетом, когда он говорит о «классовости алфавитной письменности» или указывает на то, что «производительный труд предан проклятию в изначальных, казалось, непререкаемо авторитетных священных книгах»²⁰, то эти представления являются общим местом в модернистской критике письма, которую можно найти как у Леви-Стросса, так и у Бахтина²¹.

Особенность «нового» учения о языке и концепции письма состоит в разрешении методологического противоречия: письмо в одно и то же время открывает и блокирует доступ к изучению устности. Если у Соссюра, Малиновского или Леви-Стросса это противоречие остается неразрешенным и даже доведено до разъединения самого творчества на два научно-методологически несовместимых корпуса работ²², то творческий пафос Марра состоит в том, чтобы снять вытекающую из дуализма устность/письмо методологическую трудность. Марр решает эту задачу на сюжетно-тематическом уровне посредством своеобразного переосмысления существенных элементов письма как моментов устной, точнее говоря, *доустной* формы коммуникации. В этом плане Марр разрабатывает свое «генетическое» учение о языке, в котором диахронологический порядок дается в «обратной перспективе»: письмо — не только опасный и ненадежный, но исторически довольно поздно возникший суррогат устного общения; разные формы языковой репрезентации сосуществуют на каждом этапе языкового развития. Эта переоценка диахронологического порядка основана на своеобразной методологии Марра, принцип которой состоит в идее *сдвига*, посредством которого у Марра размываются все диахронические и синхронические определения.

Идея сдвига²³ радикализирует классическое, именно с письмом связанное представление о языковом знаке как двуединстве сигнификата и сигнификанта и о том, что связь слова-знака с его значением подлежит конвенции и, таким образом, подвержена исторической динамике. Это общелингвистическое представление у Марра интерпретируется иначе. Он настаивает на том, что значение исторически всегда предшествует слову-знаку/термину, который полностью никогда не соответствует глубине и обширности значения, так что в результате разные термины/слово-знаки могут быть связаны с одним и тем же могучим значением. В конце концов Марр исходит из того, что значения — это вневременный, доисторический могучий архив смысла, а язык — надстройка, которая подвержена процессу исторического развития и дифференциации. Дифференциация системы языковой сигнификации происходит еще до разъединения индоевропейских языков, на доисторическом уровне в форме дифференциации на четыре т. н. лингвистических элемента, праслова, которые являются субстратом всех языков мира. Интересен в

этой фантастической конструкции своеобразный дуализм между сферой внеисторического архива значения и смысла, с одной стороны, и сферой чистого формализма, т. е. репрезентации языка как системы сигнификации, с другой. На основе этого дуализма функционирует марровский методологический принцип *сдвига*: на чисто формальном уровне посредством анаграмматических перестановок вырабатываются разные возможные (точнее говоря, невозможные) комбинации, в которых Марр прочитывает смысловые субстраты. Так как у Марра сигнификативная система языка является пустым формализмом, возникают, с одной стороны, беспредельные возможности анаграмматических комбинаций, а с другой, каждая формальная операция языковых единиц всегда активизирует целый архив значений. Таким образом, Марру удастся связывать все со всем и находить фантастические (смысловые) сходства в словах, подобранных из разных языков мира, не видя никаких реальных исторических и географических различий между ними.

В марровском «новом учении» и его методологическом принципе *сдвига* мы встречаем своеобразную, доведенную до степени шизоидии ситуацию: сама техника максимальной формализации, которой пользуется Марр в своих фантастических «яфетических» конструкциях, обусловлена письмом и его графематической системой; все анаграмматические процедуры работают только на основе трансформации акустического звукового языка в визуально-графическую, пространственную систему. Самое разъединение языка на сферу сигнификации и значения возможно лишь с позиции письменности. Мышление Марра как бы заключено в сфере формализации письма, формализации, которая придает его работам (мни-мо)научный и (несмотря на вопрос о научности) довольно комплексный характер. Марр пользуется формальными возможностями письма; *цель* этой аргументации устремлена на смысловые процессы *внезнакового пространства*; здесь смысл и значение являются очищенными от знаковой вещественности как метафизические единицы, которые ни в коем случае не могут быть фиксированы и формализованы каким-либо определенным словом-термином и которые приобретают свой смысл только в актуальном (риторическом) контексте высказывания. Своеобразная шизоидия состоит в том, что Марр, с одной стороны, в максимальной степени оперирует графематическими, анаграмматическими возможностями письма, а с другой, разрушает этот инструмент письма. Именно эта противодействующая динамика напряженного формализма, с одной стороны, и плавящегося «чистого» смысла вне терминологической определенности, с другой, обуславливает марровскую теорию письма.